

На правах рукописи

ДЕВЯТКОВ Андрей Владимирович

**ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ
ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ (1992-2009 ГГ.)**

Специальность 07.00.15 – история международных отношений
и внешней политики

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Нижний Новгород - 2010

Диссертационная работа выполнена на кафедре новой истории и международных отношений Института истории и политических наук
ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор,
Макарычев Андрей Станиславович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор,
Борков Александр Васильевич

доктор исторических наук, профессор,
Халин Алексей Алексеевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО Волгоградский государственный университет

Защита состоится «28» декабря 2010 г. в «___» часов на заседании Диссертационного совета Д-212.166.10 при Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского по адресу: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, корп. 1.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2010 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
к.и.н., доцент

О.Ю. Семёнов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Внешняя политика России, в особенности 1990-х гг., несмотря на большое количество исследовательской литературы, до сих пор остается в некотором отношении *terra incognita*. Одной из главных причин этого факта является включенность дебатов о новейшей истории России в актуальный политический дискурс, который зачастую распространяет на нее упрощенческие идеологизированные характеристики.

В настоящей работе автор исходит из того, что такие понятия, как «российская идентичность», «российские национальные интересы» - это скорее поле для дискуссий, чем уже известные «истины» со строго установленным смысловым содержанием. Соответственно, для развития исторической и политологической науки в России необходимы работы о внешней политике России, которые с позиций критического анализа добавили бы дискуссионности положениям, свойственным официальным дискурсам как в самой России, так и на Западе.

Автор данной работы попытался внести в такую дискуссию небольшой вклад, определив для себя более скромный исследовательский предмет. Вопрос о политике России в отношении молдово-приднестровского конфликта стал в научных кругах России и Запада как раз объектом приложения различных клише, в отношении которых требуется критический анализ. На Западе политика России в приднестровском вопросе выглядит как средство реализации геополитического и антизападного по сути проекта «сильной» России. В самой же России приднестровский вопрос – это объект символической политизации, периодически появляющийся на информационном горизонте. Российский историк А. Миллер говорил в этой связи, что крайне актуальным является создание «нормальной» истории России, которая бы проблематизировала априорную исключительность нашей страны (в контексте, например, общеевропейской истории), и показывала бы все многообразие ее политических практик, в том числе во взаимоотношениях с внешним миром.

Выбор именно приднестровской проблематики кажется автору наиболее подходящим для того, чтобы показать динамику развития российской

идентичности через призму тех противоречий и перипетий, которые встретились на пути постсоветской России при становлении ее внешней политики. Ведь вопрос разрешения приднестровского конфликта уже с началом его открытой вооруженной фазы получил в России особое положение в информационном пространстве, так как с ним увязываются проблемы прав соотечественников за рубежом, а также российского влияния на «ближнее зарубежье». Приднестровье служит одним из важных полей, на котором ведутся политические игры вокруг национальных интересов России, ее участия в Европе как цивилизационном поле. Приднестровье как своеобразный архетип «русского мира» - это лакмусовая бумажка для измерения внешнеполитических приоритетов нашей страны.

Объект исследования настоящей диссертации – внешняя политика России на постсоветском пространстве. **Предметом исследования** является внешнеполитическая активность России в связи с существованием приднестровского вопроса.

Формулировка предмета настоящего исследования объясняется тем, что раскрытие политики России в отношении Приднестровья возможно не столько через призму двусторонних коммуникаций, сколько благодаря анализу системного уровня взаимодействия всех акторов приднестровского урегулирования. Среди них, безусловно, присутствует и сама Приднестровская Молдавская Республика, хотя и не признанная международным сообществом и Россией в качестве государства, но обладающая признаками политической субъектности. Поэтому, говоря о приднестровском вопросе, автор не редуцировал тему до совокупности двусторонних контактов Тирасполя и Москвы, а включил в предметное поле политику России по воздействию на весь комплекс вопросов, возникающих в связи с de facto существованием ПМР (проблема статуса, вывода 14-й армии и формирования операции по поддержанию мира).

Хронологические рамки исследования. Нижней хронологической рамкой служит 20 марта 1992 г., когда отчетливо обозначилось политическое вмешательство российских властных структур (МИД, Верховный Совет РФ) в урегулирование конфликта в Молдове. Верхняя периодическая рамка – 18 марта 2009 г., когда при посредничестве России было подписано Совместное заявление

сторон конфликта, которое завершает определенный период односторонней дипломатии РФ, направленной на урегулирование приднестровского конфликта.

Целью настоящего исследования является раскрытие многомерности политики российского руководства в приднестровском вопросе сквозь призму различных форм российского внешнеполитического дискурса как важнейшего элемента формирования политики РФ в на пост-советском пространстве.

Автор поставил перед собой следующие **задачи**:

1. Определить исторические и актуальные контексты, в которых существовал для России приднестровский вопрос в рассматриваемый период времени:
 - a. Охарактеризовать динамику процессов политизации в России вопроса о защите прав национальных меньшинств и соотечественников в Молдове;
 - b. Рассмотреть влияние вопроса об интеграции России в европейскую / евроатлантическую систему безопасности на политику Москвы в Приднестровье и установить диалогическую взаимосвязь внешнеполитической идентичности России и Запада, в том числе, в проекции на приднестровский вопрос.
 - c. Изучить влияние концепта «постсоветское пространство» / «пространство СНГ» на активность России в приднестровском вопросе на протяжении двух последних десятилетий.
2. Выделить этапы российской внешней политики в приднестровском вопросе:
 - a. Рассмотреть обстоятельства, приведшие к дипломатическому и вооруженному вмешательству России в конфликт летом 1992 г.;
 - b. Проанализировать условия формирования российской политики в приднестровском урегулировании после подписания Соглашения 21 июля 1992 г. (в том числе молдавско-приднестровские отношения), определить время возникновения геополитической мотивации российской политики, а также описать составляющие кооперативного подхода России к урегулированию.
 - c. Определить динамику российской политики в приднестровском вопросе в контексте «стратегического диалога» с Западом и Молдовой в начале 2000-х гг.

- d. Охарактеризовать факторы, приведшие к преобладанию в российской политике односторонних действий, начиная с 2003 г.
 - e. Рассмотреть переход от политики сохранения статус-кво к попыткам урегулирования конфликта в формате «1+2».
3. Рассмотреть формирование и применение российской дипломатией принципа «синхронизации» вывода частей бывшей 14-й армии из Молдовы и политического урегулирования конфликта.

Методологическая основа исследования находится в русле постпозитивистских теорий международных отношений и опирается на теоретические концепты М. Фуко, Э. Лаклау и Ш. Муфф, а также В. Тишкова, О. Вивера, В. Морозова, А. Макарычева.

Ключевым в настоящем исследовании представляется *концепт «расколотости»*, текучести любой идентичности, предложенный Э. Лаклау и Ш. Муфф¹. Эта концепция помогла автору в объяснении противоречивости российской внешней политики и в демонстрации незавершенности любого проекта российской идентичности, существовавшего в тот или иной период постсоветской истории. Особое внимание обращалось на феномен смещения («дислокации») российских «национальных интересов», т.е. их постоянного движения относительно собственного, казалось бы, установленного – с формальной точки зрения - содержания. Логичным выводом из этого положения является утверждение о том, что России как целостного политического субъекта не существует, поскольку субъектность, как подчеркивал М. Фуко, сугубо исторична² и зависит от контекста. В собственно исторических исследованиях в рамках такой методологии работает А. Миллер, который, в частности, подверг сомнению устойчивость ряда концептов (в частности, русификации и антисемитизма) в политике властей Российской империи³.

Дихотомия «Я-Другой» была важна для автора при анализе влияния исторического контекста российско-западных отношений на российскую политику в приднестровском вопросе и на постсоветском пространстве в целом. Взаимосвязь

¹ Edkins J. Poststructuralism & International Relations: Bringing the Political Back In. Boulder, 1999; Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков, 2008. С. 53-107.

² Фуко М. Археология знания. Киев, 1996; Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007.

³ Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008.

российской и европейской идентичности на макроуровне уже изучалась такими исследователями как И. Нойманн⁴ (на сугубо историческом материале) и В. Морозов (в более современных контекстах)⁵, которые, однако, не делали акцента на внешнеполитических процессах новейшего времени.

Субтеория секьюритизации (securitization) дала необходимый инструментальный анализа российско-молдавских и российско-западных отношений по приднестровскому вопросу. Автор рассматривал «акты секьюритизации», которые распространялись в российской политике после 2003 г., выявляя речевые практики российского руководства при конструировании тех или иных угроз для российских интересов и, соответственно, при принятии мер, которые предлагались официальной Москвой для отражения этих угроз. Идея секьюритизации полностью совместима с постструктурализмом, так как дает возможность увидеть исторически подвижный характер содержания угроз и восприятия их носителей, включая как публичное представление проблем в качестве угроз безопасности, так и движение в обратном направлении, то есть возвращения обсуждения вызовов и угроз в нормальное политическое русло («normal politics»)⁶. Более подробно аналитическая модель, используемая при изучении предмета, описана в первом параграфе первой главы диссертации.

Из используемых прикладных методик стоит выделить следующие:

- дискурс-анализ, который является ключевым для исследований, выполненных в рамках постпозитивизма. Автор склонен использовать тот вид этого анализа, который рассматривает дискурс как объективную реальность и часть политической практики, при этом учитывая материальные факторы как предпосылки для его формирования.
- деконструкция. Этот метод, известный по работам Ж. Деррида, автору был необходим при анализе содержания различных концептов российской внешней политики на разных отрезках изучаемого периода. Среди современных

⁴ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

⁵ Морозов В. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М., 2009.

⁶ Buzan B., Waever O., de Wilde J. Security: a new framework for analysis. Boulder, 1998.; Waever O. Securitization and desecuritization // On security. Ed. By R. Lipschutz. New York: Columbia University Press. P. 46-86.

исследователей попытку применения этого метода предпринял А. Макарычев, изучавший, в частности, концепцию «многополярности»⁷.

- системный анализ (исследование в динамике внутренних и внешних факторов российской политики в Приднестровье);

- метод периодизации, ставший важным инструментом для выделения этапов развития российского внешнеполитического дискурса в приднестровском вопросе.

- историко-сравнительный метод. В настоящем исследовании сравнению подлежали внешнеполитические подходы и аргументы, которые существовали на различных этапах развития российского внешнеполитического дискурса.

- дедукция. Дедуктивный метод построения рассуждений предопределил структуру работы, которая начинается с главы, содержащей размышления об общих основах формирования внешнеполитической идентичности России, которые в ходе исследования экстраполируются на более конкретную проблемную ситуацию, связанную с Приднестровьем.

Источниковая база. По проблематике исследования в работе было использовано множество различных источников, которые можно разделить на следующие группы:

I. Архивные данные. В работе были использованы материалы Центрального государственного архива Приднестровской Молдавской Республики, а именно фонд «Объединенная контрольная комиссия»⁸. В этом фонде хранятся протоколы заседания и другие документы, связанные с деятельностью ОКК с 1992 г. по настоящее время. ОКК является ключевым органом по мониторингу военно-политической ситуации в зоне безопасности, созданной по итогам российско-молдавского соглашения от 21.07.1992 г., поэтому в ее материалах так или иначе находили отражение некоторые внешнеполитические действия России по урегулированию конфликта. С другой стороны, документы этого фонда крайне ограничены по значимости, т.к. в Приднестровье по политическим и формальным причинам осуществляется строгий контроль над информацией, которая может быть использована против приднестровской «государственности».

⁷ Makarychev A. Russia and its “new security architecture” in Europe: a critical examination of the concept. CEPS Working document № 310 / January 2009. URL: <http://www.ceps.eu/book/russia-and-its-new-security-architecture-europe-critical-examination-concept> (дата обращения: 10.08.2010).

⁸ ЦГА ПМР. Фонд № 914 «Объединенная контрольная комиссия».

II. Законодательные: концепции внешней политики и национальной безопасности РФ, а также иные документы, определяющие доктринальные основы российской внешней политики. Именно в законодательных источниках, таких как Стратегический курс России в отношениях с государствами СНГ, Обзор внешней политики России за 2007 г., в концентрированном виде выражены основы политики России в отношении СНГ, приднестровского урегулирования на разных этапах российского внешнеполитического дискурса. Стратегии национальной безопасности России содержат все признаки секьюритизационных практик в российской внешней политике.

III. Актовые материалы: дву- и многосторонние документы по приднестровскому урегулированию; российско-молдавские соглашения, имеющие отношение к приднестровскому вопросу. В эту группу включены планы урегулирования, которые предлагала российская сторона на переговорах по приднестровской проблеме и документы наподобие Меморандума о нормализации отношений Молдовы и Приднестровья 1997 г., подписанные при активном посредничестве Москвы. Эти документы являются выражением содержательной стороны политики Москвы в приднестровском вопросе. В российских планах по урегулированию хорошо просматриваются взгляды России на пути урегулирования и, что особенно важно, на то, как Москва определяет свои интересы в этом процессе (например, прописывание понятия «конституционный нейтралитет», пунктов о гарантиях).

В многосторонних документах СБСЕ/ОБСЕ отражена международная позиция по политике России в приднестровском вопросе, принятые Россией на себя обязательства. Особенно интересны документы, выработанные Россией в партнерстве с другими посредниками в приднестровском урегулировании – Киевский документ (предложение по урегулированию, подготовленное с участием Украины и западных экспертов), различные Совместные заявления. Среди актов материалов особняком стоит прямое соглашение о сотрудничестве государственных структур РФ с Приднестровьем от 23.05.2006 г.

IV. Делопроизводственная документация: пресс-релизы, заявления, стенограммы заседаний ответственных государственных структур (Президент РФ,

МИД России, Посольство РФ в Молдове, Верховный Совет России и Государственная Дума РФ).

В данных документах отражается политическая позиция государственных органов России по различным аспектам приднестровского урегулирования. Чтобы установить диалогическую взаимосвязь идентичности России и Запада, необходимо было подробно рассмотреть характеристику политики Москвы в Приднестровье, которую давали европейские и американские правительственные и неправительственные структуры, а также международные организации (Европейский Суд по правам человека по т.н. делу Илашку, Миссия ОБСЕ в Молдове с докладами и пресс-релизами о приднестровском конфликте, органы ЕС, Миссия США при ОБСЕ и т.д.).

В качестве источников использовались также материалы государственных структур Республики Молдова и Приднестровья, в частности для выявления возможного влияния уровня их взаимоотношений на политику России.

V. Интервью, выступления официальных лиц, представляющих Россию. Российские официальные лица активно выступали с программными статьями и интервью в прессе, поэтому исследование российской политики, в т.ч. в приднестровском вопросе, может быть снабжено достаточным количеством такого рода значимых источников.

С помощью анализа этого вида источников стало возможным понимание глубинных слоев российского внешнеполитического дискурса. Особенно важны в этой связи статья В. Курьянова «Территориальная целостность как приоритет» и монография Ю. Карлова «Приднестровский конфликт: геополитические, правовые и организационные аспекты урегулирования», т.к. оба текста содержат развернутую полуофициальную трактовку позиции России в отношении Приднестровья.

Наиболее интересные эпизоды российской политики в Приднестровье смогли стать ясными только при изучении материалов публичных заявлений А. Лебеда, Ю. Неткачева, Д. Козака, Б. Ельцина, А. Островского и др. Статьи сотрудников Миссии ОБСЕ в Молдове У. Хилла и К. Нойкирха содержат информацию о поведении Москвы в разные периоды взаимодействия с этой

организацией. Поэтому автор имел возможность проверить свои гипотезы о готовности России идти на подлинное партнерство с Западом.

Более общие позиции российской внешней политики, имеющие отношение к приднестровскому урегулированию, нашли отражение в статьях, интервью и выступлениях Президента РФ, а также М. Колерова (в 2005-2007 гг. - заместителя руководителя Администрации Президента РФ), руководителя Администрации Президента РФ В. Суркова, А. Чубайса, министров иностранных дел С. Лаврова, Е. Примакова, И. Иванова, А. Козырева, председателя Комитета Государственной Думы по международным делам К. Косачева. По материалам выступлений официальных лиц автор смог сгруппировать основные мнения, существующие в России по вопросу политизации СНГ и приднестровского конфликта.

Формирование у ЕС собственного геополитического проекта в отношении восточноевропейских стран, что привело к столкновению России и Запада как значимым для нее Другим, хорошо отражено в выступлениях чиновников Евросоюза. Активное присутствие назначенного в 2005 году Специального представителя ЕС по приднестровскому урегулированию (де Сегеда, а затем и К. Мижея) в прессе обеспечивает исследователя серьезным материалом по российско-европейскому взаимодействию в Приднестровье. Жесткая позиция США по поводу участия России в приднестровском урегулировании отражается в выступлениях американских представителей Д. Крамера, Д. Кирби, Х. Смит.

Автор провел более двадцати собственных официальных и неофициальных интервью с экспертами, общественно-политическими деятелями и простыми гражданами в Приднестровье, Украине и Молдове. Часть этих интервью состоялась в рамках стажировки в Центре южно-украинского пограничья (г. Херсон, Украина) при поддержке директора Центра В.К. Коробова в ноябре 2009 г., а другая часть – параллельно с работой в Центральном государственном архиве ПМР в феврале 2010 г. Проведенные интервью по большому счету не дали некоей «объективной» информации о приднестровском вопросе, скорее они выявили существование множества локальных дискурсов о приднестровском вопросе в Приднестровье, Молдове и Украине.

VI. Источники личного происхождения: воспоминания непосредственных участников событий в Приднестровье летом 1992 г. (А. Лебеда, его сподвижников

– М. Бергмана, В. Чернобрювого, В. Полушина), политических деятелей (Б. Ельцина, П. Лучинского, И. Смирнова, Е. Примакова), представителя Министерства обороны РФ В. Журбенко. Именно благодаря воспоминаниям представителей российской 14-й армии и Генштаба РФ мы имеем относительно достоверные свидетельства вооруженного вмешательства России в приднестровский конфликт летом 1992 г., которые подтверждаются не только почти полным совпадением содержащихся в этих источниках сведений, но и самой логикой российской политики в то время. Воспоминания Б. Ельцина передают ту атмосферу, которая царила в России в 90-е гг., в том числе, в российско-западных отношениях, в отношениях президентской администрации с генералом Лебедем. Воспоминания лидера Приднестровья И. Смирнова отражают не просто его отношение к российским политическим деятелям, когда-либо занимавшимся приднестровским вопросом, но и подтверждают некоторые авторские соображения о мотивации этих деятелей.

VII. Средства массовой информации: приднестровские («Днестровская правда», «Днестровский меридиан», ИА Ольвия-Пресс, «Новая газета», «Человек и его права»), российские («Известия», «Независимая газета», РИА Новости, «Коммерсант», журнал «Коммерсант-Власть», ИА Regnum, ИА Новый регион, «Российская газета»), молдавские («Независимая Молдова», ИА Azi, «Кишиневский обозреватель»), европейские (Frankfurter Allgemeine Zeitung, BBC, Spiegel и др.), украинские (Зеркало недели). Материалы российских газет и РИА Новости за 1990-е гг. стали доступны благодаря пользованию системой Public.ru.

Данный вид источника был полезен по многим причинам: во-первых, на страницах прессы публиковались решения государственных структур, интервью, заявления и статьи ответственных лиц, во-вторых, в СМИ происходили утечки информации об обсуждаемых вариантах урегулирования и в целом о ходе переговоров, в-третьих, по материалам СМИ можно отслеживать общественно-политические настроения в связи с тем или иным интересующим нас вопросом.

Для формирования четкой **терминологической основы** исследования необходимо внести ясность в понятийный аппарат, используемый автором. Под *приднестровским вопросом* в данной работе будет пониматься совокупность трех исторически взаимосвязанных проблем:

- определение статуса Приднестровья (независимое государство, субъект молдавской конфедерации или федерации, часть унитарного государства Республика Молдова и т.д.);
- формирование миссии по поддержанию мира, которая должна быть создана для поддержания действия соглашения об окончательном урегулировании конфликта (основным предметом спора в этой связи является состав этой операции – полицейский и/или военный, российский или многонациональный);
- вывод остатков бывшей 14-й советской армии из Молдовы (ныне - ОГРВПРМ), которые не имеют правового основания для нахождения на ее территории. Но их вывод как российской, так и приднестровской стороной увязывается («синхронизируется») с процессом разрешения приднестровского конфликта.

Совокупность двух первых проблем составляет, в свою очередь, проблематику *приднестровского урегулирования*, содержание которого определяют участвующие в дипломатических переговорах державы и конфликтующие стороны. Понятие «*приднестровский конфликт*» характеризует состояние отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем, определяемое нерешенностью вопроса о международно-правовом статусе Приднестровья.

Степень научной разработанности проблемы. Историография поднимаемого вопроса обширна и включает в себя исследования как отечественных, так и зарубежных (молдавских, европейских, американских) ученых и экспертов. Стоит при этом отметить, что политике России в приднестровском вопросе не посвящено практически ни одного отдельного исследования. Она рассматривается в контексте проблемы урегулирования приднестровского конфликта, и ее анализ носит, как правило, вторичный и поверхностный характер, иногда скатывающийся в жанр публицистических комментариев. Также важен факт того, что ни один исследователь еще не предпринял попытки создать обобщающее исследование о политике России в приднестровском вопросе: в большей степени изучены такие моменты истории приднестровского урегулирования, как вмешательство России в конфликт летом 1992 г., «Меморандум Козака» 2003 г. (в этой связи необходимо отметить исследования В. Колосова, А. Толкачевой, Д. Левенхардта).

Автор выделяет четыре основных типа нарратива о политике России в рассматриваемой проблеме. Крайне распространен подход к оценке политики России в приднестровском вопросе *через призму постоянного стремления Москвы любым путем реализовать свои геополитические интересы в регионе*. Так, известный американский эксперт Ч. Кинг считает, что Россия осуществила вооруженное вмешательство в приднестровский конфликт после того, как весной 1992 г. стало ясно, что создалась угроза не только российским интересам в сфере безопасности, но и существованию Приднестровья, которое воспринималось в России как архетип «русского мира».

С. Кауфман и Ш. Бауэрс обращают особое внимание на то, что Россия вмешалась в приднестровский конфликт на стороне Тирасполя по причине формирования националистической платформы, создавшей взаимосвязь российской внутренней политики и приднестровских событий. Авторы говорят даже о том, что трагедия в Бендерах – это провокация России для оправдания своего вооруженного вторжения. В рамках приднестровского урегулирования, размышляют американские эксперты, Москва синхронизировала вывод войск с процессом переговоров по статусу региона, увеличила давление на страны СНГ и требовала размещения военных баз.

Признаком гегемонистских амбиций считают немецкие авторы А. Габаньи, М. Малек и Ф. Кюхлер давление Москвы на Молдову с помощью энергетики и приднестровской проблемы. Приднестровье, по их мнению, являлось для России уже с середины 1992 г. тем «якорем», который затормозил движение Кишинева в сторону Запада. Ф. Кюхлер высказывает радикальную точку зрения: приднестровская политика – это всего лишь проецирование российских интересов в регионе.

Большинство молдавских исследователей (таких как В. Недельчук, О. Нантой, Р. Врабие, И. Ставила, Д. Мынзэрарь, С. Киобану и др.) также видят в политике России постоянное стремление восстановить или сохранить контроль над Молдовой, использовать приднестровский конфликт как рычаг давления на нее. М. Грибинцеа представил подробный анализ попыток России укрепить свое военно-политическое присутствие в Молдове. В книге политолога З. Тодуа «Молдавия и молдавские коммунисты» высказывается открытая симпатия Партии коммунистов

Республики Молдова и лично В. Воронину, поэтому и основные положения автора, как и политика молдавского президента, крайне эклектичны: то речь идет о том, что к интересам России относилось в 1992 г. «расчленение» Молдовы, то появляется идея о том, что с консолидацией власти и «национально-государственных интересов» при В. Путине Россия проявила позитивную заинтересованность в урегулировании приднестровского конфликта.

В русле такого же понимания политики Москвы в Приднестровье написана одна из фундаментальных работ по миротворчеству России в Молдове и других постсоветских конфликтах, авторство которой принадлежит Д. Линчу. Д. Линч считает, что Россия с 1992 г. руководствовалась стратегией «вооруженного убеждения», при которой сила применяется в символическом виде, миротворческая операция служит национальным интересам главного миротворца, который использует тактику кнута и пряника: как только требования России выполнялись, она прекращала давление и готова была к военной и экономической помощи. По мнению Линча, для России главное было предотвратить вмешательство других держав и международных организаций, и она различными способами поддерживала своего клиента – Приднестровье. Однако, европейский эксперт отмечает, что до середины 1992 г. в Москве по причине конкуренции властных институтов за определение основ внешней политики отсутствовала единая линия на выполнение стратегии «armed suasion».

Коллектив норвежских авторов (Г. Фликке, Я. Годзимирски), в свою очередь, сделал акцент на стратегии «синхронизации», которая позволяет Москве удерживать геополитические позиции в Молдове за счет увязки двух юридически разных вопросов. Классическими текстами для любого исследователя приднестровской проблематики стали несколько работ голландского эксперта Д. Лёвенхардта, который был членом экспертной группы при министре иностранных дел Голландии в период ее председательства в ОБСЕ и разработки т.н. «Меморандума Козака». В них эксперт не просто оценил «Меморандум» как свидетельство односторонней политики России, но и попытался объяснить его провал непрофессионализмом Д. Козака, который не поставил в известность о своей деятельности не только Запад, но и свой МИД. К аналогичным выводам

приходят в своих докладах эксперты Международной Кризисной Группы, американско-румынский исследователь В. Сокоп.

Подходом того же порядка является рассмотрение российской внешней политики в Приднестровье как *системы легитимных шагов в ответ на расширение геополитического влияния в регионе Запада, а также Румынии, увеличивающей свое присутствие в Молдове*. Например, в монографии В. Матяша ключевой в этом отношении идеей является то, что благодаря приднестровскому вопросу и 14-й армии Москве без лишних затрат удастся сохранять традиционные геополитические позиции в весьма важном регионе Юго-Восточной Европы, который является для нее одним из «окон» в Европу. В. Колосов полагает, что приднестровский вопрос также позволяет России в своих интересах вести геополитическую игру с Западом (хотя, по его мнению, осознание этой возможности пришло к российскому руководству не сразу).

Радикальная версия этого подхода выражена в работах Н. Нарочницкой, В. Журавлева, К. Мяло, Д. Гордеева, Н. Настасюка, К. Затулина, А. Миграняна, А. Пушкова, материалах экспертов Агентства политических новостей. Для этой группы экспертов необходимость признания ПМР со стороны России очевидна, ведь ПМР – это своеобразный заслон на пути торжества *Rex Americana* на традиционных геополитических рубежах России.

Приднестровье как фактор обеспечения «истинных» геополитических интересов России в ее противостоянии с Западом позиционируется в работах большинства приднестровских авторов. При этом они отмечают двойственность политики России, которая в 2000-е гг., с одной стороны, желала поддержать соотечественников в Приднестровье, а, с другой, сохранить влияние в стремительно румынизирующейся Молдове. Политика России в отношении Приднестровья в 90-е гг. подвергалась резкой критике приднестровских авторов за нерешительность, несвободу от диктата западных интересов, использование Приднестровья в качестве разменной монеты в политических играх с Молдовой и Западом.

Существует и группа исследователей, которые пытаются *критически оценивать позиции всех акторов приднестровского урегулирования*, отходя от оправдания либо демонизации России и обвинений в том, что статус-кво в

урегулировании сохраняется только благодаря Москве. Стоит отметить, что данный подход является достаточно влиятельным в мировом научно-исследовательском пространстве.

Среди критических исследований выделяются работы К. Нойкирха, который в 2003-2009 гг. являлся сотрудником Миссии ОБСЕ в Молдове. По его мнению, причины приднестровского конфликта лежат внутри самого молдавского общества, а Россия как государство несет ответственность только за то, что происходило после прибытия в Тирасполь генерала Лебеда в июне 1992 г. Значительную роль, по Нойкирху, в конфликте играли и играют неправительственные силы в российском парламенте. Москва, по мнению немецкого исследователя, имеет в Молдове серьезные геополитические интересы, которые она пытается реализовать, в том числе, через давление, однако, Западу, по мнению эксперта, не стоит соперничать с Россией, а наладить с ней сотрудничество в деле обеспечения региональной безопасности.

Влиятельный американский дипломат и эксперт У. Хилл, экс-глава Миссии ОБСЕ в Молдове (в 1999-2001 и 2003-2006 гг.), также локализует негативность в политике России в деятельности националистических парламентских сил, поддерживающих Приднестровье. Хилл отмечает общий кооперативный подход Москвы к разрешению приднестровской проблемы, доминировавший как минимум до 2003 г. и заключавшийся в готовности России к серьезным переговорам по интернационализации конфликта, в том числе за счет проведения миротворческой операции под эгидой ОБСЕ.

Также Г. Ханне и Д. Линч хотя и отмечают в целом амбивалентность политики Москвы, призывают к тому, чтобы создать стимулы для Москвы начать стратегический диалог с Западом по проблемам ДОВСЕ и Приднестровья. Д. Линч, сотрудник Института исследований безопасности в Париже, стал основным европейским экспертом, считающим возможным сделать приднестровское урегулирование совместным пилотным проектом России и ЕС. Для этого, как полагает Линч, должна быть, в том числе, лучше проработана международно-правовая база для проведения совместных миротворческих операций России и ЕС.

К аналогичным выводам приходят и российские эксперты Д. Тренин и С. Маркедонов, немецкий автор Ш. Требст. По их мнению, вместо политики статус-

кво, которой она придерживалась до сих пор, России необходимо учиться поддерживать нормальный демократический процесс в Приднестровье. С другой стороны, эти эксперты обращают внимание на недостатки политики Запада в приднестровском урегулировании: склонность к «вытеснению» России вместо кооперации с ней и политические симпатии к Молдове при игнорировании Приднестровья.

По вопросу вооруженного вмешательства России в приднестровский конфликт существует группа экспертов, которые разделяют мнение о том, что Москва была втянута в конфликт действующей самостоятельно 14-й армией, и что главной целью вмешательства было сохранение контроля над воинскими частями этой армии для предотвращения развития полномасштабной гражданской войны. Геополитические цели России в регионе, как считает относящаяся к этой группе Н. Джексон, появились у России позднее и были обусловлены стремлением сохранить военное присутствие, обеспечить интересы в этом регионе и сохранить за политическим руководством поддержку российской общественности. Но, как считает Джексон, политическая цена сохранения военного присутствия надолго была слишком высока, поэтому стратегией Ельцина было скорейшее урегулирование и вывод армии, который начался, несмотря на отсутствие ратификации Госдумой соответствующего соглашения. В этой связи норвежский исследователь П. Колсто емко выразил связь политики России в Приднестровье с ее внутренней политикой: «позиция Москвы по приднестровскому вопросу всегда отражала баланс сил в российской политике, которая постоянно находится в движении». Согласие с такой позицией высказывает и А. Толкачева, которая, помимо этого, сделала подробный анализ внешнеполитического контекста появления «Меморандума Козака» (активизация ЕС, ДОВСЕ и т.д.). О втягивании России в приднестровский конфликт благодаря 14-й армии пишет и И. Селиванова.

Некоторые американские эксперты воспринимают вопрос оценки вмешательства России в приднестровский конфликт как дилемму. С одной стороны, пишут Н. Макферлейн и Дж. Чинн, Россия в приднестровском конфликте явно нарушила принцип непредвзятости и так или иначе манипулирует конфликтом в своих интересах, но с другой стороны, при отсутствии реального интереса Запада к проблемам безопасности на постсоветском пространстве,

особенно в 1990-е гг., Москва обеспечила предотвращение эскалации насилия в регионе, а статус-кво в приднестровском урегулировании – это результат не только политики России, но и действий конфликтующих сторон.

Научная новизна работы состоит в том, что автор смог выстроить цепочку факторов, которые с 1992 г. в той или иной степени влияли на политику России в приднестровском вопросе. Вписав ее в контекст российско-западных отношений, автор прослеживает исторически обусловленную взаимосвязь глобального и регионального уровней политики России. В работе сделан акцент на анализе влияния региональной ситуации (молдавско-приднестровских отношений, становления приднестровской и молдавской государственности) на внешнеполитическую активность Москвы. В диссертации сделан также определенный вклад в понимание того, какая взаимосвязь существует между российской внутри- и внешнеполитической динамикой.

В данной работе предпринимается попытка систематизации как можно большего количества доступной эмпирической информации о довольно-таки продолжительном периоде внешней политики России на основе четкой теоретической модели, позволяющей создать целостное представление об изучаемом предмете. Одной из идей автора было также инициирование заочного диалога в рамках историографии исследуемой проблемы: как представляется, научное сообщество занимается приднестровским вопросом и Молдовой в целом лишь спорадически, зачастую в контексте более общих региональных проблем. Однако это никоим образом не сдерживает лавинообразного увеличения публикаций по различным аспектам приднестровского вопроса.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Внешняя политика России в приднестровском вопросе не снабжена четкой смысловой структурой, что вытекает из сложного исторического процесса становления новой российской идентичности, включая ее внешнеполитическое измерение. Россия может быть осмыслена сегодня и как геополитический проект, европейский или антиевропейский, и как «русский проект», и как проект полиэтничного национального государства с прагматичными внешнеполитическими целями.

2) Особую роль с точки зрения политики России в странах «ближнего зарубежья» играют ее отношения со значимым Другим – Западом / Европой. Россия испытывает большие сложности с определением своего места в международной системе координат в Европе в целом и в европейской системе безопасности в частности, что часто приводит к маргинализации России. В силу осознания этого Россия желает именно включения себя в качестве полноправного субъекта в европейскую систему международных отношений, и это основная константа, присутствующая в российской политике на протяжении изучаемого периода времени.

3) Ситуация отчужденности и неопределенности в отношениях России и Европы напрямую сказывается на политике РФ в Приднестровье, особенно на фоне того, что этот регион представляет собой некий архетип «русского мира», при этом географически близкий к Европе. Это приводит к тому, что действия России являются плохо предсказуемыми и зачастую эмоционально насыщенными (характерной является ситуация, когда на сайте премьер-министра В. Путина употребляется понятие «Приднестровская Молдавская Республика», а параллельно Государственная Дума и Президент принимают решения о непризнании Приднестровья).

4) Российская политика в приднестровском вопросе условно может быть разделена на определенные этапы, каждому из которых была свойственна своя форма внешнеполитического дискурса со всеми его «шероховатостями» и «прерывностями», по выражению М. Фуко. В 1992-1993 гг. в российской политике сочетались лозунги о защите прав русскоязычных в Приднестровье и стремление соответствовать западным нормам межгосударственного взаимодействия. На протяжении 1994-2002 гг. существовали различные конфигурации геополитического и кооперационного подходов, ни один из которых никогда не был реализован полностью. С 2003 г. резко возрастает стремление России превратить приднестровский вопрос в эксклюзивное поле своей дипломатической деятельности, однако уже к 2008 г. обстоятельства войны с Грузией на фоне «косовского прецедента» смещают интересы России в сторону поиска легитимных, с точки зрения международного права, форм приднестровского урегулирования.

5) Стремление сохранить «международный имидж», встроиться в европейскую систему безопасности, поддержать основы международного порядка (в контексте случая с признанием Косово) размывало границы однозначной геополитизации интересов России в приднестровском вопросе. Мотивы по достижению геополитических целей в приднестровском вопросе определялись, как правило, фактом столкновения России с ее «значимым Другим» – Западом, который, как считали в Москве, исключал ее из европейской системы безопасности. Отсутствие реального взаимодействия с Москвой по урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве в 1992-1994 гг., инициирование расширения НАТО в 1994 г., а затем и попытка Брюсселя заменить Россию в качестве основного миротворца в Молдове в 2003 г. при туманной перспективе Договора об обычных вооруженных силах в Европе приводили к обострению в Москве «державного» дискурса и к попыткам сформулировать собственную миссию на постсоветском пространстве и, в частности, в Молдове.

6) Важную роль в понимании эволюции приднестровского вопроса играет взаимосвязь внутри- и внешнеполитической динамики России. Приднестровье на разных этапах истории России служило средством самоутверждения российских политических элит (генерала А.Лебеда и национал-патриотической оппозиции в период президентства Б.Ельцина, а также непосредственно руководства страны в период президентства В.Путина).

7) Для оценки политики Москвы в приднестровском урегулировании важно учитывать также исторический контекст молдавско-приднестровских отношений, особенностей становления молдавской и приднестровской государственной субъектности. Приднестровский конфликт имеет, прежде всего, внутреннюю природу и носит политический характер, однако это вовсе не упрощало до сих пор условий для миротворческой деятельности, в том числе России. Приднестровье умело использовало противоречия между Россией и Западом, обеспечивая себе разные виды поддержки со стороны Москвы (дипломатической, экономической, военно-политической).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что автор предложил собственную модель анализа важного этапа внешней политики России, опираясь на постструктуралистские подходы М. Фуко, Э. Лаклау и др. Диссертант апробировал

в своей работе получающую всё большее распространение в историческом знании концепцию «Я-Другой», а также субтеорию секьюритизации. Значимость исследования состоит в развитии в отечественной науке о новейшей истории таких подходов к изучению международных процессов, которые не редуцировали бы сложную и многомерную реальность к искусственно ограниченному числу моделей ее объяснения.

Практическая значимость. Знание, полученное в результате диссертационного исследования, может быть использовано как в политико-дипломатической практике, так и в научной и педагогической деятельности.

Апробация результатов исследования. Автор представлял результаты своих изысканий на различных научно-образовательных мероприятиях (Зимний методологический институт международных отношений «Школа Богатурова»; Международная школа по проблемам глобальной безопасности, ПИР-Центр; Интернет-конференция Алтайской школы политических исследований «Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения)», Межрегиональная научно-практическая конференция "Актуальные проблемы мировой политики и межкультурных коммуникаций", г. Нижний Новгород), публиковал их в научных изданиях различных уровней. Автор, представив статью «Феномен приднестровского конфликта», занял III место в международном конкурсе исследовательских работ Российской Молодежной Ассоциации Евро-атлантического партнерства и Группы по проблемам международной безопасности и конфликтов в 2007 г. и получил право быть опубликованным в журнале «Мир и согласие». Апробация результатов проходила также в ходе преподавательской деятельности в Тюменском государственном университете.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования и включает введение, три главы, разделенные на параграфы, заключение, список сокращений и список использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** раскрывается актуальность и обосновывается выбор темы, определяется объект, предмет, цель, аргументируется выбор хронологических рамок,

формулируются задачи для достижения поставленной цели, производится характеристика методологической базы исследования, обуславливающей выбор теоретических концептов и конкретных методик анализа. Оцениваются степень научной разработанности и научная новизна темы, производится характеристика использованных источников и литературы, приводятся теоретическая и практическая значимость, а также структура диссертации.

В первой главе «Россия и приднестровское урегулирование: теоретические аспекты» выстраивается объяснительная модель, с помощью которой автор подходит к изучению внешней политики России. С применением выработанной теоретической модели выявляются дискурсивные основания российской политики в приднестровском вопросе.

В первом параграфе «Постструктуралистское прочтение внешней политики России» при разработке модели анализа эволюции российской внешней политики в приднестровском вопросе автор отмечает, что ключевыми ее моментами должны быть контексты развития российско-западных отношений, молдавско-приднестровских противоречий, взаимосвязи российской внутри- и внешнеполитической динамики.

Российско-западные отношения анализируются как дихотомия «Я-Другой», в которой «Другой» выступает в качестве полюса цивилизационного притяжения. Это порождает взаимосвязь политики России и Запада в дискурсивном отношении. Состояние исключенности России из системы безопасности в Европе приводит, в свою очередь, к фрагментации смысловой основы внешней политики. Данная фрагментация происходит по нескольким основным направлениям: характер участия России в современных международных отношениях, роль различных вариантов концепции «нации» и их влияние на политический процесс, а также ценность суверенитета и интеграции для российского внешнеполитического дискурса.

В итоге, внешняя политика России не может быть представлена как однолинейный процесс, это скорее последовательность различных этапов исторического процесса формирования субъектности России, существующей на основе различных дискурсивных конструкций. Эти конструкции сами по себе также эклектичны, так как сочетают противоположные смысловые элементы.

Во втором параграфе «Постсоветское пространство и приднестровский вопрос в российском внешнеполитическом дискурсе» автор пытается показать

взаимосвязь общих внешнеполитических конструкций на различных этапах российской внешней политики, строящихся вокруг концепта «СНГ», с дискурсивной и собственно политической активностью России в приднестровском вопросе.

Диссертант приходит к выводу о том, что можно наблюдать синхронность развития внешнеполитического дискурса России и ее заявлений и действий в приднестровском вопросе. Определение в динамике противоречивого отношения России к Западу, влияния внутривнутриполитической повестки дня позволило при этом выявить постоянные смысловые смещения в концепции российских «интересов», раскалывающихся между идеями о собственном геополитическом или цивилизационном проекте и необходимостью включения в общеевропейские политические и экономические процессы.

В частности, автор считает необходимым выделить следующие периоды российского внешнеполитического дискурса, которые соответствующим образом фрагментировали и российскую политику в приднестровском вопросе: во-первых, период неразвитости внешнеполитического дискурса и его «неготовности» к столкновению с военно-политическими и иными вызовами (конец 1991-1993 гг.). Во-вторых, периоды активного самоутверждения России в отношениях с Западом / Европой (время строительства СНГ и международного миротворчества Москвы в 1994-1995 гг., а также период столкновения с Другим на постсоветском пространстве в 2003-2005 гг. и в пространстве международного права в связи с косовским вопросом). И, в-третьих, периоды выстраивания «неконфронтационного или «стратегического» диалога с Западом (1996-1998, 2000-2002 гг.), когда Россия допускала интернационализацию приднестровского конфликта и вмешательство других внешних акторов.

Во второй главе **«Лидерство России в процессе приднестровского урегулирования» (1991-2002 гг.)** рассматривается политика России в период вооруженной стадии приднестровского конфликта, проведен анализ того, каким образом в 1992-2002 гг. в российских действиях в приднестровском вопросе сочетались кооперативный и геополитический подходы.

В первом параграфе второй главы *«Россия и вооруженная стадия приднестровского конфликта»* в первую очередь автор попытался раскрыть не только структурные предпосылки, но и процедурные факторы, приведшие к развитию

конфликтной ситуации на берегах Днестра. Это было сделано для установления того факта, что приднестровский конфликт – это прежде всего внутренняя проблема Молдовы, и роль внешнего фактора (например, российского) в возникновении данной проблемы крайне ограничена.

В параграфе констатируется, что вмешательство России в конфликт произошло только весной-летом 1992 г., причем поначалу оно заключалось исключительно в добрых услугах сторонам в максимально интернационализированном международном формате Четырехсторонней комиссии. Применение вооруженной силы против молдавской армии и полиции проходило в условиях усиливающейся риторики о защите русских в Приднестровье, инициированной определенной частью политической элиты и общественности России. Однако, действия руководства страны свидетельствуют о том, что националистическая или геополитическая мотивация для вмешательства в конфликт не была основной: президенту Б.Ельцину гораздо важнее было предотвратить гражданскую войну в Молдове, которая могла бы разразиться между молдавскими силами и 14-й армией, а она, будучи наполовину приднестровской, не осталась бы в стороне от событий. Точечный удар генерала Лебеда по молдавским силам в начале июля 1992 г. укладывался в интересы Кремля, желавшего поскорее убрать сюжет о Приднестровье с повестки дня, не нарушив суверенитета и территориальной целостности Молдовы – потенциального полноценного члена СНГ, и обуздав при этом собственную националистическую оппозицию.

Второй параграф второй главы *«Совмещение кооперативного и геополитического подходов к приднестровскому урегулированию»* содержит анализ того, как строилась политика России в отношении приднестровского вопроса после окончания вооруженной фазы приднестровского конфликта и наступления неопределенности в отношениях России и Запада.

Параграф включает, во-первых, подробный анализ процесса консолидации приднестровской «государственности» на антимолдавской основе после завершения вооруженной стадии конфликта, с подробной характеристикой внутривнутриполитической ситуации в Приднестровья, которая и привела в итоге к срыву переговоров по урегулированию, проводившихся при посредничестве России и ОБСЕ. Среди других

условий урегулирования, в которых действовала российская дипломатия, в параграфе отмечаются и особенности молдавской политики в отношении приднестровского вопроса.

Автор констатирует, что остановка вооруженного насилия в Приднестровье на какое-то время вывела приднестровский вопрос из поля внимания Москвы. Обратиться к политическому урегулированию Россию вынудила необходимость вывода 14-й армии с ее гигантскими складами вооружения, хранившими также оружие, вывезенное уходящими частями из Чехословакии и Венгрии. Россия синхронизировала вывоз этого оружия с политическим урегулированием, что объяснялось тем, что в Москве, а также и в Кишиневе и Тирасполе эти проблемы рассматривали как одно целое. Вывести оружие было сложно с технической и финансовой точки зрения, этому также препятствовали популярный генерал Лебедь и приднестровское руководство, подталкиваемое радикальными общественными организациями.

Лишь в 1994-1995 гг. в связи с подготовкой расширения НАТО и неучастием международных организаций и ведущих держав в делах безопасности на постсоветском пространстве российский дискурс явно геополитизируется, и в Москве сохранение военного присутствия в Молдове начинает рассматриваться как один из противовесов исключению России из системы европейской безопасности. Москва в этот период активно пытается добиться от Запада признания своей роли региональной державы, требуя «особых прав» в миротворчестве на постсоветском пространстве. «Синхронизация» вывода 14-й армии и политического урегулирования приобретает другую мотивационную основу.

Однако уже в 1997-1998 гг. в связи с провалом политики в Чечне, экономическими трудностями значение для России концепта СНГ как сферы влияния резко снижается. На приднестровском направлении отмечается резкая активизация при участии ОБСЕ политических усилий по урегулированию с целью скорейшего решения, которая не достигает успеха вследствие консолидации приднестровского режима на основе консервативной идеологии, а также сохранения теперь уже геополитических расчетов, связанных с размещением 14-й армии.

Третий параграф второй главы *«Попытка «стратегического диалога» в треугольнике Россия-Запад-Молдова»* раскрывает особенности политики России в 1999-2002 гг. – периоде, который становится временем наиболее доверительных отношений России и Запада, в том числе по Приднестровью. Россия получает возможность создать с Западом общий режим в сфере безопасности, который основан на Договоре об обычных вооруженных силах в Европе. Этот Договор в случае ратификации должен был также нивелировать для России негативные последствия расширения НАТО. В обмен на ДОВСЕ Москва идет на принятие на себя т.н. Стамбульских обязательств о выводе войск из Молдовы и Грузии. В этот период предлагаются комплексные планы урегулирования, сначала со стороны российской Государственной комиссии по урегулированию приднестровской проблемы под руководством Е. Примакова, а затем и при участии ОБСЕ, США и ЕС («Киевский документ»). Именно в это время Минобороны РФ издает директиву о ликвидации остатков 14-й армии в Молдове, а в выводе войск и вооружений из Молдовы отмечается значительный прогресс.

В третьей главе **«Эволюция политики России в условиях расширения субъектного поля приднестровского урегулирования» (2003-2009 гг.)** диссертант переходит к анализу предпосылок того, почему Россия с 2003 г. в приднестровском вопросе обращается к односторонней дипломатии, придерживаясь политики статус-кво. Также раскрывается незавершенность российской внешнеполитической идентичности в проекции на приднестровский вопрос.

Первый параграф третьей главы *«2003 г.: столкновение с Другим»* диссертант подробно анализирует ситуацию, связанную с кризисом отношений ЕС, США и России по приднестровскому вопросу. Особое внимание обращается на т.н. «голландскую инициативу» и «Меморандум Козака», которые явились выражением склонности и Запада, и России к односторонней дипломатии и попыткам построения конкурирующих геополитических проектов в Восточной Европе.

В данном параграфе отмечается, что жесткая позиция Запада по ратификации ДОВСЕ, а затем и настойчивое давление Брюсселя по поводу вывода не только 14-й армии из Молдовы, но и российских миротворцев с заменой их на европейских (это объяснялось собственными геополитическими планами ЕС в рамках т.н. Большой Европы) привели к тому, что в Москве ощутили сознательную

политику части политических элит Запада по исключению России. Ответом стал т.н. «Меморандум Козака», призванный закрепить российское военно-политическое присутствие и миротворческую роль России в Молдове.

Второй параграф третьей главы «*Односторонняя дипломатия России и режим мерцающей конфликтности*» содержит анализ того, как провал «Меморандума Козака» под давлением Запада привел к формированию у Москвы склонности придерживаться политики статус-кво в приднестровском урегулировании.

Однако, несмотря на финансово-экономическую и политическую поддержку Приднестровья в виде бесплатного газа, субсидий и сохранения 14-й армии, Москва воздерживается от инкорпорации ПМР или ее признания. Поддержка ПМР со стороны Москвы в ходе т.н. экономической блокады в 2006 г. являлась больше психологической и символической в материальном отношении. Это и обусловило лишь «мерцающую», то есть прерывистую конфликтность в приднестровском урегулировании, которая не разрасталась до масштабов «косовского прецедента».

Диссертант также приходит к выводу о том, что с 2007-2008 гг. приднестровский конфликт снова вписался в контекст российско-западных отношений, теперь уже по вопросу непосредственно «непризнанных государств». Россия с того времени попыталась показать Западу, что признание независимости Косово, равно как и Абхазии с Южной Осетией, не является выходом из сложившихся ситуаций. И приднестровский случай служил возможностью это продемонстрировать. Однако недоверие у всех участников процесса урегулирования друг к другу привело к тому, что в марте 2009 г. было подписано лишь декларативное совместное заявление без каких-либо серьезных обязательств.

В заключении автор формулирует основные выводы по итогам работы.

Во внешней политике России в приднестровском вопросе в 1990-е-2000-е гг. отсутствовала некая стратегическая линия, что объясняется многими факторами. Основным из них является расколотость российской идентичности как таковой (split identity, по Э. Лаклау и Ш. Муфф). До сих сохраняется неопределенность отношений России со своим главным значимым Другим и полюсом притяжения – Западом / Европой. Поэтому российская политика совершает маятниковые

движения от попыток соответствовать европейским нормам к попыткам самоутвердиться относительно пространства этих норм, а иногда и ценностей.

В данной работе было показано, что эти маятниковые движения могут приводить российское руководство к идее о необходимости секьюритизации «национальных интересов России» в связи с приднестровским вопросом, т.е. принятия таких экстраординарных мер, которые были бы направлены против конструируемой угрозы безопасности для России. Однако незавершенность и нецельность российской идентичности не способствовали тому, чтобы эти акты секьюритизации были глубокими и последовательными. Концепция «российских интересов» в Приднестровье оставалась неясной, а экстраординарные меры, нарушающие определенные правовые рамки межгосударственного взаимодействия, либо оставались разовыми (как с финансовой помощью), либо напрямую не увязывались с приднестровским урегулированием. При этом автор полагает, что теория секьюритизации оказывается адекватной рассматриваемой в работе политико-исторической реальности, поскольку в ней предусмотрено такое понятие, как десекуритизация, которая в случае с приднестровским вопросом означает отказ от мер экстраординарного характера, направленных на преодоление конструируемой угрозы для российских интересов в Приднестровье и превращение приднестровского вопроса в предмет политических дискуссий внутри самой России.

В диссертации одной из основных задач было выделение этапов российской политики и поддерживающего его дискурса в отношении приднестровского вопроса. Как было выявлено, на каждом временном этапе существовали свои «российские интересы» и, в конечном счете, особый формат российской субъектности, которая при внимательном рассмотрении оказывается испещренной разрывами и расколами, лишаящими нас возможности рассуждать об «одной» российской политике в приднестровском вопросе. Таким образом, философское наследие М. Фуко, как представляется, успешно может применяться в конкретных историко-политических исследованиях.

Одним из практических выводов диссертации является идея о том, что отсутствие однозначности российских интересов в Молдове и Приднестровье делает возможным широкий диалог России и Запада, а также Молдовы по

вопросам приднестровского урегулирования. России нужно предложить стимулы, при которых она готова была бы пойти на компромисс. Москва демонстрирует готовность к диалогу, когда даже при введении «моратория» на ДОВСЕ она в лице В.Путина признала действенность для себя «стамбульских обязательств». Такими стимулами могло бы стать более широкое включение России в пространство европейской безопасности, перспектива чего прочитывается, в частности, в некоторых попытках ответа из Европы на предложения президента Д.Медведева о новой архитектуре безопасности в Европе. На пути реализации этого сценария стоит инерция как в Москве, так и в западных государствах. Однако исчерпанность собственных возможностей в урегулировании, что показало мартовское Совместное заявление по Приднестровью (2009 года), будет подталкивать Россию на поиск выгодных для себя путей интернационализации урегулирования конфликта, что будет служить весомым доказательством институциональной, а не только идеологической, принадлежности России к Европе.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Статьи в периодических изданиях, включённых в «Перечень периодических научных изданий, рекомендованных для публикации научных работ, отражающих основное научное содержание кандидатских диссертаций» ВАК Министерства образования и науки РФ

- 1) Приднестровский вопрос в политической практике России и Запада // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2010. №79 (3). – 0,5 п.л.
- 2) Россия и вооруженная стадия приднестровского конфликта (1991-1992) // Вестник Челябинского университета. История. 2010. Вып. 39. – 0,4 п.л.
- 3) «Меморандум Козака» в истории приднестровского урегулирования // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История. Политология». 2010. № 4.2. – 0,7 п.л.

Статьи в других изданиях

- 4) История геополитизации приднестровского урегулирования // Вестник Волго-Вятской Академии госслужбы (Электронное научное издание). 2009. Выпуск № 4. – 1,2 п.л.

- 5) Приднестровский вопрос как лабиринт российской внешней политики // Вестник Центра исследований южно-украинского пограничья. 2009. Выпуск № 5(8). С. 18-21. – 0,3 п.л.
- 6) Феномен приднестровского конфликта // Мир и согласие. 2008. №2 (35). С. 72-88. - 0,8 п.л.
- 7) Приднестровская идентичность: мифы и реальность // Европа: Международный альманах. Тюмень: Мандр и Ка, 2010. Вып. VIII. - 0,4 п.л.
- 8) Перспективы приднестровского урегулирования // Вестник Евразии. 2006. №2. С. 134-153. - 0,6 п.л.
- 9) Развитие внешнеполитической стратегии ЕС по отношению к региональным конфликтам на постсоветском пространстве (на примере приднестровского конфликта) // Международные отношения в XIX - XXI веках. Сборник трудов молодых исследователей. Вып. 4. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 43-47.- 0,4 п.л.